

РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ведьмин клад	Слеза ангела
Волчья кровь	Старинный орнамент везения
Время черной луны	Третий ключ
Дом у Чертова озера	Музы дождливого парка
Лунные драконы	Хозяйка колодца
Паутина чужих желаний	Лабиринт Медузы
Пепел феникса	Темная вода
Печать василиска	Снежить
Проклятый дар	Девятый ангел

«САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Самая темная ночь
Час перед рассветом

«ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма

«ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью	Проклятое наследство
Приди в мои сны	Змеевы дочери
Сердце зверя	Зов серебра

«ВРАНОВА БАШНЯ» «СВЕЧНАЯ БАШНЯ»

Вранова погоня	Свечная башня
Сердце ночи	Светочи тьмы

«ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот Гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

«МАРЬ»

Марь
Марионеточник
Марионетки

«ЛИСЬЕ ЗОЛОТО»

Лисье золото

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЛИСЬЕ
ЗОЛОТО

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*
Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Лисье золото / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-215300-6

Кто она такая — девушка из забытого богом поселка старателей, не знавшая своих родителей, воспитанная тайгой, дедом и суровой директрисой приюта? Она и сама не может ответить на этот вопрос. Вонительница с белоснежными волосами, кроме прочих удивительных способностей умеющая чувствовать золото, — бесценная добыча. Но подчинить ее не удастся пока никому — кроме собственного чувства вины за давний проступок. Волею судеб она оказывается среди наследников погибшего миллиардера — и его дом становится ловушкой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215300-6

© Корсакова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Фарфоровая ваза династии Минь весьма гармонично смотрелась на столике в стиле Людовика Четырнадцатого. Антикварное на винтажном. Бесценное на дорогом. На этом гармония заканчивалась и начинался когнитивный диссонанс. Если не у всех присутствующих, то уж точно у большинства.

Алекс Уваров не стал занимать отведенное ему место в мизансцене, предпочел остаться молчаливым наблюдателем. По крайней мере, до тех пор, пока не уляжется буря и созданный ею хаос.

Позиция у французского окна, за которым виднелся нещадно поливаемый ливнем парк, его полностью устраивала. Сюда не дотягивался ни свет от светильников, ни отсветы зажженного в камине огня. Здесь Алекс мог оставаться если не в безопасности, то, по крайней мере, в тени. Страшно хотелось курить. Он бросил курить три года назад, бросил легко, без физических и душевных терзаний, но сейчас остро завидовал Акулине, в чьих тонких и цепких пальчиках нервно подрагивала вставленная в мундштук папироска.

На самом деле Акулина не курила, а переводила продукт, вгрызаясь в мундштук мелкими, крепкими

зубками. Было в этом ее нервическом порыве что-то хищное, то ли собачье, то ли и вовсе акулье. Не зря, наверное, за глаза Акулину и называли акулой. Исключительно за глаза и исключительно в благородной и почти безопасной связке «акула пера». Акулина Славинская, высокая, худая, злоязыкая стерва, была блогером. И не какой-нибудь малолетней тиктокершей с миллионной аудиторией таких же малолетних подписчиков. Она была блогером государственного масштаба: специалисты, подобные ей, способны всего лишь одним своим постом разрушить империю, стереть в порошок репутацию, поставить под сомнение непогрешимость. Наверное, у таланта Акулины имелась и светлая сторона, но за долгие годы знакомства Алекс ее ни разу не видел. Акулина, словно настоящая акула, всегда плыла на запах крови и всегда пребывала в движении, которое постороннему наблюдателю могло показаться истерично-хаотичным. Вот и сейчас она мерила шагами просторную гостиную, то и дело цепляясь носками туфельек за края винтажного персидского ковра. Не было никакого смысла пытаться ее поддержать или остановить. Разумнее всего было просто оставаться вне траектории ее движения.

— Хватит моросить! Сядь ты уже, ради бога!

Этот голос оставался сладко-медовым, даже несмотря на резкость тона. Пение райских птичек и кошачье мурлыканье в одном флаконе. Этот голос принадлежал Элене, пышнотелой, белокурой диве, вызывающую сексуальность которой не могло приглушить даже строгое черное платье.

— Кто это в борделе вспомнил бога?!

Акулина замерла. Обернулась так резко, что чуть не упала. Она умела производить впечатление чело-

века, одновременно неловкого и стремительного. Вот только неловкости в ней было куда меньше, чем стремительности. Ее взгляд, такой же острый, как и зубы, впился в бюст Элены. И не потому, что бюст оказался как раз на линии огня, а потому, что смотреть в лицо Элене Акулина отказывалась с самого первого дня их знакомства. Впрочем, как и называть по имени.

— Сядь, — промурлыкала Елена одновременно ласково и требовательно. — Не нужно создавать дополнительное... — она задумалась, воздев к потолку густо подведенные глаза, — напряжение.

— Напряжение? — Акулина растянула тонкие губы в хищной улыбке, снова вгрызлась в мундштук. — По-твоему, вот это все! — От взмаха руки с папироски прямо на персидский ковер осыпался столбик пепла. — Вот это все, по-твоему, всего лишь напряжение?!

Ее голос, и без того резкий, стал похож на звук бензопилы. Елена страдальчески вздохнула. Выдающийся бюст колыхнулся. За окном громыхнуло с такой силой, что задрожали стекла.

— Написала маменька, она не сможет прилететь! — стараясь перекричать гром, рявкнул Тихон и, как фонариком, помахал перед лицом айфоном.

— Кто бы сомневался! — фыркнула Елена.

— А чего уже лететь? — Акулина шаркнула туфлей по ковру, втирая пепел в шелковые волокна. — Дело сделано, Тиша! Обошлись без нее!

— Впрочем, как и всегда, — поддержала ее Елена.

Иногда они с Акулиной создавали кратковременную коалицию, чтобы нападать на остальных членов клана Славинских. Маменька Тихона являлась для них постоянным триггером, от ежечасных нападков ее

спасало лишь расстояние. Таисия Славинская, урожденная Васютина, предпочитала пользоваться благами, дарованными семьей, находясь на максимальном удалении от этой самой семьи. На взгляд Алекса, она заняла самую удачную из всех возможных позиций. Постоянные ретриты и рехабы, поиски себя и смысла жизни придавали Тасе, как с презрением называла ее Акулина, ореол блаженности и легкой придурковатости. И блаженностью, и придурковатостью Таисия Славинская прикрывалась мастерски.

Давным-давно, лет сорок назад, Тасю привел в семью Григорий Лукич. Как гласила семейная легенда, Григорий Славинский, тогда еще молодой, подающий надежды археолог, познакомился с ней во время Хорезмской экспедиции. В те времена Тася представлялась художником-символистом, натурой возвышенной и тонкой, настолько тонкой, что умудрилась просочиться в семью и занять в ней пусть не знаковое, но все же довольно теплое место. А с рождением сыновей Тася утвердилась на этом месте основательно. Повинуясь душевным порывам, она организовала галерею современного искусства, которую назвала «Таис». То ли в честь знаменитой гетеры и любовницы Александра Македонского. То ли, что более вероятно, в честь собственной удачной реинкарнации из грязи в князи.

В галерее имени себя и гетеры Тася-Таис выставляла не только собственные весьма посредственные картины, но и такие же посредственные картины своих учеников. Не нужно было быть ни искусствоведам, ни ценителем, чтобы понять очевидное: Тася-Таис была бездарна. Бездарна, но предприимчива! Злоязыкая Акулина быстро раскопала подноготную тетушки и даже нашла очевидцев той приснопамятной Хорезм-

ской экспедиции, в которую Тася попала, будучи студенткой заштатного пединститута. Сейчас это называли бы волонтерством, а в те далекие времена для одних экспедиция была прекрасной возможностью прикоснуться к истории, а для других — устроиться в жизни. Тася оказалась не промах и очень быстро из провинциальной училки превратилась в загадочную Таис.

Золотой век Таиси начался после трагической гибели в автокатастрофе ее супруга Григория Лукича, который на тот момент был вторым в клановой иерархии. Нет, Тася не заняла место Григория. Ее вполне устраивала роль скорбящей вдовы и матери инфантов. Роль эта добавляла Тасе еще больше загадочности и еще больше надрыва. По крайней мере, ей самой так казалось.

На самом деле серьезно к Тасе не относился никто. Ни всемогущий свекор, Лука Демьянович Славинский, ни супруг, ни остальные родственники. Даже сыновья отказывались воспринимать маменьку всерьез и, кажется, немного стеснялись. Особенно в свете многочисленных историй о ее тесном общении с весьма молодыми последователями.

— Даже сейчас наша Таис умудрилась увильнуть. — Этот бархатный, чуть хрипловатый голос доносился из дальнего угла гостиной. Ни электрический свет, ни отблески от камина не могли разогнать сгустившуюся там тьму.

— Да и вы, тетушка, не шибко напрягались! — огрызнулся Тихон, одной рукой пряча айфон в карман дорогого итальянского пиджака, а другой стирая капельки пота с высокого, с залысынами лба.

— Однако я тут, Тиша. — В темноте вспыхнул огонек зажигалки, освещая поразительно красивое женское лицо.

Мириам Славинская была второй, младшей невесткой Луки Демьяновича. Ей хотелось думать, что младшей и любимой, но Алекс был почти уверен, что старик не любил вообще никого, даже родных детей и внуков. Что уж говорить про невесток!

— Что тут, что не тут — один хрен! — сказала Елена и потянулась за бокалом с коньяком. — Ты бухаешь уже третий день, Мира! Толку с тебя?

— Мириам! Меня зовут Мириам! — Огонек перескочил с зажигалки на кончик сигареты, снова погружая лицо во тьму. — Я же не называю тебя твоим исконно-посконным именем Ленка, — раздалось из темноты. — Я называю тебя так, как ты попросила называть тебя в самый первый день нашего знакомства.

— Никто тебя ни о чем не просил, — огрызнулась Елена.

— Неужели? — Темнота разразилась смехом, одновременно хриплым и чувственным. — А кто говорил, что жить без сцены не может, что согласен на любую, пусть бы самую крошечную роль? Ах, Мириам! Я бы душу продала за свою мечту...

— Так и продала, — хмыкнула Акулина. — Была третьей помощницей пятого режиссера заштатных сериалов, а стала владычицей морской.

— Полноте, детка, — снова замурлыкала темнота. — Наша Елена даже столбовою дворянкой не стала, не то что владычицей морской. Как там говорят? Можно вывезти девушку из деревни...

— Заткнулась бы ты, — прошипела Елена, а ее похожие на стилеты ногти хищно царапнули по бокалу. — Еще большой вопрос, кто у нас тут владычица, а кто деревня! — Она многозначительно посмотрела на китайскую вазу династии Минь.

— Вот видите! — В темноте снова вспыхнул огонек сигареты, на мгновение осветив красным лицо Мириам.

Даже без этой подсветки красота ее казалась потусторонней и чуть демонической. К своему пятидесятилетию мачеха Акулины пришла, почти не растеряв ни молодости, ни стати. Впору было именно ее заподозрить в сделке с дьяволом. Впрочем, вполне вероятно, что так оно на самом деле и было. Красоту Мириам не смогли убить ни годы, ни беспрестанное курение, ни алкоголизм. И да, дебелисть, пышнотелость и почти животная сексуальность Элены не шли ни в какое сравнение с утонченным аристократизмом Мириам, вечно пьяной, вечно горько-ироничной властительницы мужских сердец.

Мириам была высока и худа. Еще немного, и худоба эта могла показаться анорексичной, но Мириам никогда не переступала черту, отделяющую утонченную красоту от красоты болезненной. Ее кожа была бледной, почти полупрозрачной, без тени румянца. Большие черные глаза наводили на мысли об инопланетном происхождении, а чувственные, неизменно подведенные алой помадой губы намекали на вампиров и вечную молодость. Одним словом, Мириам была куда загадочнее Таис и куда эффектнее Элены. Пожалуй, из этих троих она нравилась Алексу больше всего. Хотя довольно сложно испытывать симпатию хоть к кому-нибудь из клана Славинских.

— А сама? — Елена опрокинула в себя коньяк и зашипела, как будто коньяк попал на раскаленный камень, заменяющий ей сердце. — А сама ты чем лучше меня, Мира?! Охомутала Гордея, охмурила! Втерлась к старику... — Елена замолчала, испуганно огля-

делась по сторонам, а потом продолжила: — Втерлась в доверие к Луке Демьяновичу.

Пожалуй, Мириам была права: невозможно вывезти деревню из девушки. Пусть даже девушке этой пошел сороковой годик. Ни новая жизнь, ни новый статус ничего не изменили в Лене-Элене, она по-прежнему бросалась врукопашную, когда у нее недоставало аргументов, и по-прежнему называла мужа по имени-отчеству и боялась его до полусмерти. Даже сейчас...

— Не начинай! — Акулина, меряющая широкими шагами гостиную, снова остановилась, вперила взгляд сначала в Элену, потом в то место, где в клубах темноты и дыма скрывалась Мириам. — Обе! — добавила резко.

— А что такое, Акулиночка, солнышко ты наше? — Лицо Элены расплылось в елейной улыбке. — Не хочешь вспоминать, как эта гадина сжила со свету твоего драгоценного папеньку?

— Я сейчас тебя со свету сживу, если ты не заткнешься, — прошипела Акулина.

— Руки коротки! Зубы мелкие! — Элена брякнула пустым бокалом по сервировочному столику и показала Акулине кукиш.

— О господи... — простонал Тихон и снова смахнул пот со лба. — Да когда ж это все закончится?

— Скоро, — отозвалась темнота бархатным голосом Мириам. — Я надеюсь, очень скоро этому всему придет конец. Не люблю, когда драма превращается в фарс.

— Фарс?! — Акулина отвлеклась от разглядывания Элены и снова вперила взгляд в темноту. — Смерть моего отца ты называешь фарсом?

— Смерть твоего отца я называю несчастным случаем и большой трагедией, детка.

— Не называй меня деткой! — Взвизгнула Акулина. — Ты мне никто! Слышишь ты меня?!

— Слышу.

В темноте снова вспыхнул красный огонек, а следом инопланетные глаза Мириам. По всей вероятности, в них просто отразился свет от сигареты, но выглядело это inferнально. Настолько inferнально, что Акулина, готовая было броситься к мачехе, отступила на шаг. За окном снова раздались громовые раскаты, но даже стихии не удалось поставить точку в разгорающемся конфликте.

— Ты была с ним на той чертовой охоте! — Лицо Акулины исказила гримаса ярости и боли. — Ты была с ним в тот самый момент! Ты была с ним и ничего не сделала!

Это было несправедливое обвинение. Все знали, что Гордей Славинский, отец Акулины и муж Мириам, несколько лет назад погиб на охоте. Это была одновременно трагическая и нелепая смерть. Увлечшись преследованием зверя, Гордей сорвался с крутого обрыва и во время падения свернул себе шею. Случилось все это на глазах у двух его друзей, таких же заядлых охотников, как и он сам. К произошедшему Мириам не имела абсолютно никакого отношения. Ее можно было обвинить разве что в том, что она согласилась присутствовать на той роковой охоте. Все в семье знали правду, но никто не попытался остановить Акулину. Алекс тоже не стал, разберутся как-нибудь без него.

Неизвестно, во что в итоге вылился бы конфликт, если бы из-за высоченной двустворчатой двери не слышалось тихое, но отчетливо различимое жужжание. Створки двери распахнулись, и в гостиную вошли двое. Вернее, один вошел, а второй въехал.

Жужжащий звук издавало ультрасовременное инвалидное кресло, которым управлял Герасим, младший брат Акулины. В отличие от сестрицы, Герасим, которого все в семье звали Герой, сохранил юношескую пухлость и душевную легкость, победить которую не мог даже его недуг.

Кресло Геры, больше похожее на миниатюрный космолет и стоящее как гоночный болид, вполне могло самостоятельно перемещаться в пространстве и даже преодолевать невысокие препятствия, но его с рвением, достойным лучшего применения, подталкивал сзади Демьян, младший братец Тихона.

— Доброго вечерочка! — сказал Демьян, останавливая инвалидное кресло в центре персидского ковра в нескольких сантиметрах от носков Акулиных туфель. — Все, Герыч, приехали!

— Что ты несешь? — простионала Елена. — Добрый вечерочек?!

— Дема, уймись, — попытался осадить брата Тихон. — Твой тон неуместен.

— Гера, ты как? — Лицо Акулины на мгновение озарила улыбка. Словно скупое январское солнце вышло из-за туч и тут же снова исчезло. — Она уперлась ладонями в подлокотники инвалидного кресла, заглянула в лицо брата.

— Я норм, систер! — Гера подставил для поцелуя румяную щеку.

— Не нужно было тебе приезжать. — Акулина кивнула на французское окно, за которым бушевало ненастье. — Это небезопасно.

— Думаешь, со мной может случиться что-то более опасное, чем это? — Гера похлопал себя по колен-

кам и широко улыбнулся. — К тому же я соскучился по Ретивому. Хочу завтра прокатиться.

Лицо Акулины потемнело, и без того тонкие губы сжались в нитку.

— И все-таки я считаю, что эту тварь... — начала она, но Гера оборвал ее взмахом руки.

— Не начинай, Шарп!

Только он один мог позволить себе называть Акулину такой вот жестокой и опасной кличкой. Только ему одному Акулина прощала если не все, то многое.

— Кстати, я тоже не фанат лошадей, — сообщила Елена задумчивым тоном. — Хоть в чем-то мы с тобой сходимся.

Акулина бросила на нее полный ненависти взгляд.

— Как думаешь, сколько за них можно выручить? — Если Елена что-то и заметила, то виду не подала. — Ретивый, наверное, уже и не такой ретивый. За него много не дадут...

— Ретивый — это мой конь, — неожиданно жестко сказал Гера, а потом добавил с простодушной улыбкой: — Дед подарил мне его на восемнадцатилетие, бабуля. Но ты, скорее всего, этого не знаешь. Тебя тогда с нами еще не было.

— Баба Лена не знает, Гера! — Взмахом руки Акулина оборвала наливающуюся краской и готовую к новому бою Элену. — Баба Лена в то время служила «подай-принеси» при тетушке Мириам.

Темнота вспыхнула красным огоньком, а потом зашлась хриловатым смехом.

— О, и наша прима тут! — обрадовался Демьян и помахал рукой. — Как дела, Мириам?

— Не так хорошо, как хотелось бы, но лучше, чем у твоей бабушки Элены. — Темнота снова рассмея-